

Баранцева Наталья Анатольевна

**ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

В статье раскрываются этносоциальные и этнодемографические процессы среди славян - русских, украинцев, белорусов, поляков, оказавшихся в конце XIX - середине XX в. за пределами основных мест обитания, на территории юга Средней Сибири. Автор уделяет основное внимание местам выхода переселенцев, их численности, географическим ареалам расселения, выявлению социокультурных и хозяйственных особенностей их жизни и быта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/3.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 17-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

характер казачье-крестьянского отряда Шишкина: в Китае повстанцы отказались присоединиться к лагерю интернированных белых войск Оренбургской армии. Они сохранили выборный командный состав, не носили погон. Поход Крестьянской и казачьей армии Шишкина с непрерывными боями по территории Сибири, затем передвижение по Монголии и Китаю составили в общей сложности более 2 тыс. км за три месяца.

Содержательной основой крестьянского движения выступал социальный и политический протест, выраженный в стихийных массовых формах. Полоса крестьянских восстаний в Сибири в 1920 г. выявила глубокий кризис политики военного коммунизма в условиях ее апогея, вынудила государственную власть к переходу к новой экономической политике.

Список литературы

1. **Российский государственный военный архив** (РГВА). Ф. 1317. Оп. 2.
2. **РГВА**. Ф. 16750. Оп. 1.
3. **Сибирская Вандея: 1920-1921**: документы: в 2-х т. / сост. В. И. Шишкин. М., 2000. Т. 1.

PROTEST MOVEMENT OF SIBERIAN PEASANTRY IN 1920

Petr Fedorovich Aleshkin, Ph. D. in History
All-Russian youth journal "Our Youth", Moscow
aleshkin@list.ru

The author studies the little-known facts about peasants' protest movement within Siberia in 1920 under the conditions of war communism policy apogee and reveals the reasons of mass peasants' protest, its peculiarities within Siberia and the results on the basis of archival documents.

Key words and phrases: peasantry; authorities; protest movement; uprising; war communism policy.

УДК 93(47)+314

В статье раскрываются этносоциальные и этнодемографические процессы среди славян – русских, украинцев, белорусов, поляков, оказавшихся в конце XIX – середине XX в. за пределами основных мест обитания, на территории юга Средней Сибири. Автор уделяет основное внимание местам выхода переселенцев, их численности, географическим ареалам расселения, выявлению социокультурных и хозяйственных особенностей их жизни и быта.

Ключевые слова и фразы: переселение; этнические группы; дисперсное и компактное расселение; этнодемографическое и этносоциальное развитие.

Наталья Анатольевна Баранцева, к.и.н., доцент
Кафедра всеобщей истории
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Barantzeva@inbox.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.®**

Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (госконтракт № 02.740.11.0585).

Появление славянских народов на территории юга Средней Сибири (Енисейская губерния) было связано с военной и земледельческой колонизацией региона, а также политической и уголовной ссылкой. В XIX в. произошло усиление крестьянского переселения в восточные районы страны, которое А. В. Ремнев связывал с проведением имперской политики, нацеленной на превращение Сибири в Россию. Для этого провозглашалась необходимость укрепления славянского компонента среди коренного населения [18]. Л. М. Дамешек отмечал, что особую роль в этом правительству отводило православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был «духовно сплотить империю, научить сибирского “инородца” не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски» [11, с. 44].

В пореформенный период, когда стало возможным переселение для бывших крепостных крестьян, миграционные процессы из европейской части России в Зауралье и Сибирь усилились. Этому способствовали аграрный кризис, сопровождавшийся экологическими проблемами в связи с истощением земельных угодий, возросшая плотность населения, формирование обширного контингента безземельных и малоземельных крестьян, а также строительство Транссибирской магистрали.

Материалы первой всеобщей переписи населения 1897 г. в составе 570161 чел. Енисейской губернии зафиксировали значительный контингент пришлого населения (27,0%), в том числе русских, украинцев, белорусов и поляков. Основную часть переселенцев (32,2 тыс. чел.) составили выходцы из губерний Центрально-Черноземного района (Тамбовская – 6,4%, Пензенская – 3,4%, Курская – 2,8%, Орловская – 2,6%, Рязанская – 1,9%). Нечерноземная зона с сильными пережитками крепостничества была в меньшей степени, чем Черноземье, втянута в переселенческое движение вследствие поглощения избытка сельской рабочей силы фабрично-заводскими отраслями (Нижегородская губерния – 2,0%, Владимирская – 1,8%, Московская – 1,1%, Костромская и Калужская – по 0,7%). Переселенцы «малороссийских» мест были представлены 19,3 тыс. чел. (Полтавская губ. – 5,8%, Черниговская – 3,3%, Киевская – 1,6%, Волынская – 0,7%). Белорусские губернии (Витебская – 0,9%, Могилевская и Минская – по 0,5%, Гродненская – 0,4%), а также Привисленские польские (Варшавская, Калишская, Ломжинская, Люблинская, Петраковская и др. – 2,6%), занимавшие приграничное положение, рассматривались властями в качестве своеобразного идеологического форпоста российской государственности на западе. Поэтому переселение из этих губерний жестко регламентировалось. Вместе с тем переселение из западных губерний облегчалось распространением в них подворного землевладения, позволявшего крестьянам продавать свои наделы, давая им ресурсы для создания хозяйств в Сибири. В числе переселенцев мужчин было больше, чем женщин, примерно в два-три раза [15, с. XX, 3, 159; 22, с. 310]. Ввиду тягот в пути и устройства на новом месте обычной практикой являлась посылка ходяков для выбора и зачисления за собой участков.

С 1890 по 1914 гг. в двух уездах Енисейской губ. – Канском и Красноярском – выходцами из украинских губерний было основано более 50 населенных пунктов [17, с. 120]. К 1912 г. в Приенисейском крае насчитывалось 212 хозяйств, вышедших из Белоруссии [22, с. 192].

В ходе создания переселенческих участков дублировались названия исходных населенных пунктов. В Минусинском уезде появились деревни Курская, Тамбовка, Черниговка. Многие из таких названий были оформлены элементом ново/новый: Новополтавка, Новотроицкое, Новорождественка и др. В неофициальных названиях населенных пунктов также была отражена этническая принадлежность жителей: деревни Куреж и Кавказское имели неофициальное название Хохлы. На национальную принадлежность владельцев земельных угодий указывали микротопонимы – гора Русская [12, с. 189].

Переселенцы-украинцы и белорусы предпочитали селиться в привычных для себя условиях – старожильческих селениях степной или лесостепной зон, где можно было снять жилье до постройки своего дома, наняться на работу для получения средств на обзаведение хозяйством. В старожильческих селениях были большие площади залежей, которые легче было разработать, чем целину. Вместе с тем по мере нарастания потока переселенцев, особенно в период столыпинской аграрной реформы, колонистам приходилось осваивать северные и таежные районы в отдалении от жилых мест и железной дороги.

Именно в это время возникли многолюдные русские деревни в подтаежной Курагинской волости Минусинского уезда: Викуловка (1907 г.), насчитывавшая 428 переселенцев, Большая Ирба (1908 г.) – 562, Ново-Михайловка (1908 г.) – 94, а также украинская Джирим (1908 г.) – 292, белорусская Петропавловка (1909 г.) – 654 чел. [20, с. 30-38].

Украинцы и белорусы, устроившиеся в равнинных районах, занимались привычными способами земледелия, сохраняя традиционную систему питания. Наличие свободных земель и плодородие почвы позволяло выделять участки до 15 десятин на душу мужского пола; выращивать, помимо картофеля и капусты, репу, свеклу, морковь, горох, бобы, огурцы. В хозяйствах переселенцев высевался хлеб озимый и яровой, по преимуществу рожь и пшеница, а также просо и гречиха. Выращивались лен, табак и конопля. На скотных дворах содержались лошади, крупный рогатый скот, козы и овцы. Домашнюю промышленность составляла, в первую очередь, обработка волокнистых веществ, производство тканей из конопли, льна, шерсти. Именно украинки и белоруски принесли в Сибирь технологию выполнения сложных видов ткачества, в то время как старожилы использовали наиболее простой способ – полотняное ткачество. Большие залежи разной по составу, цвету и качеству глины способствовали сохранению традиционной для культуры украинских переселенцев технологии ее обработки, производства керамической посуды и кирпича [19, с. 186]. В новых условиях колонисты стали осваивать и иные виды деятельности: лесосплав, охоту, золотодобычу, рыболовство.

По данным за 1911 г. С. Патканова, представленным на основе разработки переписи 1897 г., при росте этнического разнообразия населения абсолютно преобладали русские – 489 395 чел. (89,8%) (украинцы и белорусы им не выделялись). Поляков насчитывалось 5 968 чел. (1,0%) (см. Табл. 1). Преобладали мужчины, но среди русских, белорусов и украинцев диспропорция была небольшой (52% мужчин и 48% женщин). Среди поляков, значительная часть которых являлась политическими ссыльными-участниками национально-освободительных движений XIX в., наблюдалось значительное преобладание мужчин (73,9%) [16, с. 322, 330-339].

Таблица 1.

Численность и удельный вес славян в населении Енисейской губ. (Красноярского края) [13, с. 47-48; 14]

Народы	Годы			
	1897 (1911)	1920	1926	1939
Русские	489395 / 89,8%	1003784 / 84,5%	1182109 / 76,2%	1688193 / 86,1%
Украинцы		44008 / 3,7%	88533 / 5,7%	53888 / 2,74%
Белорусы		29096 / 2,4%	113257 / 7,3%	19089 / 0,98%
Поляки		5968 / 1,0%	11823 / 0,98%	14671 / 0,95%

Всероссийская перепись населения 1920 г. зафиксировала 1 003 814 чел. русских, удельный вес которых составил 84,0%, украинцев – 44 038 чел. (3,7%), белорусов – 20 096 чел. (2,4%). Увеличение всех вместе взятых по сравнению с 1911 г. составило 0,3%. При росте числа поляков на 5 855 чел. (11 823 чел.) их доля в населении практически осталась прежней (0,98%) [3, д. 98, л. 4].

Результаты переписи являлись недостаточно точными, поскольку она проводилась в условиях Гражданской войны, начавшейся эвакуации беженцев и военнопленных, а также оптической кампании по выезду из страны части старожилов и переселенцев во вновь образовавшиеся Польшу и Чехословакию. В начале 1921 г. на территории Енисейской губ. из числа военнопленных Австро-Венгрии и Германии, а также беженцев было зарегистрировано 848 поляков, 160 украинцев, 135 белорусов, 4 888 русских и др. [13, с. 29-30].

Большое число заявлений о выходе из российского гражданства поступило от поляков и белорусов, компактно проживавших в деревнях Строганово Шалаболинской вол., Малиновка Салбинской вол. Минусинского уезда. Крестьяне, в основном бедняки и середняки, выезжали целыми семьями (Жоголь, Лочмень, Плоцин, Черешкевич и др.) [1, д. 801, л. 3-135, 138-143, 168]. Вместе с тем в связи с трудностями переезда и сложной внешнеполитической ситуацией наблюдалась обратная тенденция – прием в российское гражданство. Так, в сентябре 1924 г. было зарегистрировано 87 поляков, ставших гражданами РСФСР [13, с. 79].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. достаточно точно отразила этническую структуру населения Приенисейского края. Из 1 551 248 жителей русские составляли 1 182,1 тыс. (76,3% в доле населения). Численность белорусов увеличилась до 113,2 тыс. (7,4%) и концентрировалась в окр. Канском (44,9% – участки Каналайчик, Шелаевская, Тасеевская, Анцирская), Ачинском (31,7% – деревни Юрьевка, Березовка, Александровка), в меньшей степени в Красноярском (19,2% – Витебка) и Минусинском (9,1% – деревни Мурино, Петропавловка, Алгаштык, Бурово, Карабеллык). Количество украинцев увеличилось практически вдвое и насчитывало 88,5 тыс. (5,7%). Расселялись они главным образом в округах Канском – 33,3% (село Переяславское, пос. Усть-Кандыга, деревни Александровка, Ново-Киевка) и Минусинском – 30,9% (деревни Алексеевка, Курск, Джирим, Ново-Михайловка, Ильинка, Ново-Ивановка, Нововознесенка, Дмитриевка, Ново-Полтавка), а также Ачинском и Красноярском окр. (соответственно 17,9 и 17,0% – село Межовское, деревни Ново-Покровка, Мало-Камарага, Ново-Есаульское, Ново-Никольское, Воронино, Ольгинское, Сухобузимское, Ильинка) [2, д. 280, л. 153, 156, д. 381, л. 92 об., 95, 96; 4, д. 98, л. 1 - 16 об.; 20, с. 30-38].

Значительной была доля поляков – 14,7 тыс. (0,97%), большинство которых концентрировалось в Ачинском окр. (40,6% – пос. Кузьминское, деревни Букмыш-Малиновка, Залесье, Фтурка, Верхняя Соболевка), а также Красноярском (30,2% – г. Красноярск, деревни Конок, Асафьево, Ново-Михайловка, Михайловка, Боголовка, Верхне-Еловая, Ектоуль, Лахина, Хмелевка, Николаевка, Мало-Канарда). В остальных округах они размещались дисперсно среди иноэтничного населения – Канском (16,9%), Минусинском (11,1% – деревни Малиновка, Салба, Александровка, Строганово, Нижняя Коя) [8, д. 356, л. 46, 70, 72, 77].

Возрастно-половая структура населения изменилась вследствие демографических потерь Первой мировой и Гражданской войн. Наибольшие диспропорции наблюдались среди русских: 48,9% мужчин и 51,1% женщин (соотношение 100:104,4). У белорусов отмечалось равенство полов. Среди украинцев и поляков по-прежнему преобладали мужчины (100 к 95,5 и 100 к 92,7 соответственно) [7, с. 17, 38, 43-44, 52, 83].

Архивные и статистические данные дают общее представление о численности домохозяйств этнических сообществ края. В Минусинском окр. в 1926-1930 гг. белорусская семья в среднем насчитывала 5,5 чел., украинская – 6,2 чел., русская – 5,4 чел. [2, д. 280, л. 153, 156, д. 381, л. 92 об., 95, 96]. В Красноярском и Канском окр. среднее домохозяйство поляков составляло 4,4 чел. [8, д. 356, л. 70, 83]. Это свидетельствовало о распространении малой, нуклеарной семьи. Вместе с тем о важности сохранения больших, трехпоколенных семей говорил тот факт, что в условиях возобновившейся в 1927 г. земельной миграции в Сибирь сельские общества причисляли прежде всего многодетные семьи. Одиночкам отказывали из-за сложности освоения трудных, прежде всего подтажных, участков. Так, в селах Алексеевка и Джирим Курагинской вол. Минусинского окр. с преобладавшим украинским населением были зачислены семьи, насчитывавшие 5-8 детей, преимущественно сыновей. В целом из 75 семей переселенцев, поселившихся в старожиловском русском с. Детлово, семьи, состоявшие из 2-3 чел., составляли 31,7%, 4-5 чел. – 34,9%, 6-7 чел. – 27,0%, 8-9 чел. – 4,8%, 15 чел. – 1,6%. Средний состав семей в целом насчитывал 4,8 чел. [5, д. 156, л. 1-2, 58-68].

В возрастной структуре славянских этнических сообществ довольно значительной была доля детей 0-14 лет, что свидетельствовало о расширенном процессе воспроизводства населения. В польской деревне Залесье Ачинского окр. из 263 чел. населения (в среднем на семью 5,5 чел.) детей 4-7 лет насчитывалось 43, 8-12 лет – 37 (30,4%) [8, д. 356, л. 41, 46]. У украинцев Алексеевки Минусинского окр. доля детей была особенно значительной – 49,3%, среди поляков Малиновки и белорусов Алгаштыка – средней – 24,8 и 17,0% [2, д. 381, л. 92 об., 95, 96].

Большинство народов Приенисейского края являлись сельскими жителями (89,3%). Доля городских жителей составила среди поляков 17,9%, русских – 12,0%, оказавшись минимальной у украинцев (4,0%) и белорусов (1,9%) [7, с. 17-19, 38-40, 43-48, 52-55, 83, 85].

Образованность славянского населения оказалась ниже показателей по краю. У поляков грамотных было 40,3%, русских – 32,0%, украинцев – 29,6%, белорусов – 23,0%. При этом образованность женщин была крайне низкой и составила 1/3 грамотности мужчин-поляков и русских, 1/5 – белорусов и украинцев. Большая часть этнических сообществ украинцев, белорусов и поляков, не имевших собственных национальных учебных заведений и обучавшихся в русских школах, указали, что они получали образование на русском языке. В связи с этим доля владеющих родным языком среди них была незначительной (украинцы – 30,7%, поляки – 27,6%, белорусы – 13,2%). Все они в качестве родного языка не своей народности назвали русский [Там же, с. 17-18, 38-39, 43-44, 52-53, 83-84].

Обследования положения национальных меньшинств, периодически проводившиеся с середины 1920-х гг. с целью учета их количества и расселения, выдвижения наиболее подготовленных работников на советскую и хозяйственную работу, выявления состояния образования и здравоохранения, позволяют понять причины слабого знания и применения родных языков. В 1926-1928 гг. из 4 638 дворов Итатского района русских было 2 006, польских – 446, украинских – 384, белорусских – 271, татарских – 238, эстонских – 1, латышских – 330, пр. – 125 [8, д. 356, л. 7, 46, 72]. В условиях дисперсного расселения различных этнических групп при преобладании русского населения возможность открытия в деревнях национальных школ была ограничена. Подобные факты подтверждались данными по Минусинскому окр. Уполномоченный сообщал: «В Абаканском и Минусинском районах поляки проживают в селениях компактными группами от 80 до 361 чел. В остальных районах поляки проживают небольшими группами от 20 до 30 дворов на район. Селений, населенных исключительно поляками, в округе нет... Лишь в одной деревне – Малиновка Абаканского района – поляки составляют большинство (361 из 585 чел.) [Там же, л. 77]. То же самое можно добавить в отношении белорусов и украинцев.

В дореволюционный период у украинского, белорусского и отчасти польского населения национальные школы отсутствовали, так как бытовало представление, что эти народы в большинстве своем обрусели, поэтому работа в культурно-просветительской сфере может осуществляться на русском языке. В советское время в условиях политических и хозяйственных трудностей школы работали нерегулярно, испытывали материальные трудности, нехватку учителей, учебников, зачастую находясь на финансировании и обеспечении волостей и самих жителей [3, д. 812, л. 134]. В середине 1924 г. сохранились сведения о работе украинских школ в селах Дмитриевское, Ново-Троицкое, Ново-Покровское, Ново-Михайловское Минусинского уезда [Там же, д. 583, л. 66-67], в 1925 г. – польской школы в Красноярском уезде [13, с. 109-111]. К концу 1925 г. сеть национальных школ Енисейской губ. увеличилась до 120. Были открыты 46 новых школ, из них 7 польских и 13 украинских [3, д. 583, л. 206-209, 110]. В 1927 г. содержалось упоминание о деятельности белорусской и украинской школ в селах Алгаштык и Алексеевка Минусинского окр. [2, д. 381, л. 92 об., 95, 96]. В Ачинском окр. работали польские школы Бороковская, Акимо-Аненская, Верхне-Соболевская. Школы в пос. Кузьминский, деревнях Залесье, Фтурка не работали [8, д. 356, л. 41].

Поляки Ачинского окр. на общих собраниях выступали с просьбами об открытии школ и «обязывали себя дать свой труд для вырубки леса и доставки его к месту постройки». Но в пос. Кузьминском в апреле 1927 г. население было вынуждено отказаться от постройки национальной школы, т.к. не имело возможности оплачивать работу польских учителей. Жители согласились на типовую школу, финансировавшуюся райисполкомом [Там же, л. 43].

Помимо школьного образования начало распространяться и дошкольное. Так, в Итатском районе в 1928 г. в селах Бороковка и Букмыш были организованы детские площадки. Воспитательницей стала поляка, присланная из Ленинградского педагогического техникума [9, д. 2425, л. 19].

Основным занятием славянских сообществ являлось земледелие. Как показало обследование в мае 1927 г. польских населенных пунктов Ачинского окр., сформировавшихся в результате переселения из Ломжинской, Седлецкой, Гродненской, Виленской и др. губерний с 1898 по 1903 гг., хозяйства в основном являлись бедняцкими и середняцкими. Самый большой налог, который уплачивало хозяйство, составлял 40 руб. Поэтому, по мнению проверяющего, препятствий «в деле советизации» населения не было. В дер. Кузьминской жители жаловались на нехватку земли вследствие проведения землеустройства и занятости земли лесом, на дороговизну и недостаток семян, слабое кредитование, отсутствие чуткости со стороны местных работников к нуждам населения, дороговизну товаров фабричного производства [8, д. 356, л. 41, 46].

На I Краевом совещании национальных меньшинств 5 июня 1927 г. в г. Новосибирске рассматривался вопрос по вовлечению их в советское строительство. Делегаты отмечали недостаточное внимание со стороны государственных органов к интересам, экономическим и бытовым условиям малых этнических групп. Указывалось на неблагоприятное положение в деле подбора секретарей национальных сельсоветов в связи с их недостаточной общеобразовательной подготовкой и нежеланием заниматься руководящей работой в связи с низкой оплатой. Делегаты говорили о трудностях в преподавании в школах и ведении делопроизводства на родных языках ввиду нехватки или отсутствия соответствующей учебной и др. литературы. Особое внимание было обращено на сохранение родного языка украинцев, поляков и белорусов в связи с распространенным заблуждением, что «в большинстве своем они ассимилировались, обрусели и якобы не хотят обучать своих детей на родном языке» [2, д. 281, л. 49-52].

Важным направлением национальной политики была «коренизация», то есть укомплектование райисполкомов, сельсоветов, школ, кооперативов и пр. национальными кадрами. Особое внимание было обращено «на большой охват украинцев и белорусов». Предполагалось использовать немногочисленных готовых специалистов – учителей, врачей, агрономов и пр., а также направлять подходящих людей в учебные и партийные заведения в соответствии с квотой не менее 10%. Так, в 1929-1930 гг. в Минусинском окр. действовало более 20 курсов – медицинских сестер, ясельных работников, полеводов, маслоделов, секретарей сельсоветов, работников связи и др. [Там же, д. 280, л. 3-4, 114, д. 281, л. 11, 132].

Успеху проведения политики «коренизации» государственного аппарата, по замыслам руководства, должно было способствовать укрепление его партийной прослойки. В составе партийных городских организаций национальных меньшинств Ачинского, Канского, Красноярского, Минусинского и Хакасского окр. в 1929 г. славянские народы занимали очень значительное место: украинцы – в среднем 27,5%, белорусы – 23,8%, поляки – 9,9%, что в целом превышало их долю в составе населения. По социальному составу выдвиженцы представляли собой главным образом рабочих, в меньшей степени – крестьян и служащих [8, д. 3967, л. 63, 74, 79].

Несмотря на политику государства по атеизации общества, русские, белорусы и украинцы, исповедовавшие главным образом православие, несмотря на гонения и закрытие церквей, продолжали сохранять свою веру. У поляков-католиков с дореволюционных времен продолжали действовать религиозные общества. В резолюции Сибкрайкома по докладу о борьбе с клерикализмом и антирелигиозной работе от 4 сентября 1928 г. было указано, что польская культура «целиком и полностью пропитана шляхетско-буржуазно-клерикальной идеологией... Национальное сознание целиком переплелось с религиозным. Ксендзы ведут контрреволюционную работу... против польской советской школы, против активной работы в советских партийных и комсомольских организациях, организуют религиозное обучение детей, религиозные кружки молодежи, рабочие кружки в духе христианского социализма». Совещание высказалось против регистрации религиозных кружков и организаций, за организацию ячеек безбожников в городе и деревне, антирелигиозную работу в школе [10, д. 3344, л. 11-17, 20].

В ответ на подобные обвинения 4 декабря 1928 г. участники расширенного собрания граждан польской национальности Ачинский окр., проявляя лояльность, указали, что «каждый польский ребенок должен учиться в польской национальной школе, но в духе советской власти», что «в России нет никакого национального преследования, нам, полякам, имеется возможность свободно строить свою национальную культуру на родном языке... быть сознательными гражданами СССР, а не космополитами». Собрание постановило призвать всех поляков Ачинского окр. участвовать в кампании «Наш ответ Чемберлену» и в постройке танка им. Дзержинского [9, д. 2425, л. 13-14].

Во второй половине 1920-х гг. в национальной политике СССР особое внимание уделялось этнической консолидации народов Сибирского края, созданию национальных сельсоветов. Выделялось дополнительное финансирование на хозяйственно-бытовые и культурные нужды этнических меньшинств. В 1926 г. в составе пяти округов бывшей Енисейской губ. было образовано 126 национальных сельсоветов, из них – 4 польских, 16 – украинских, 22 – белорусских (см. Табл. 2).

Таблица 2.

Национальные сельсоветы Сибирского края (1926 г.) [2, д. 280, л. 187]

Округ	Ачинский	Канский	Красноярский	Минусинский	Хакасский
Поляки	1	-	2	1	-
Украинцы	6	2	8	-	-
Белорусы	13	-	5	4	-
Итого	20	2	15	5	-

На основании постановления Президиума Сибирского крайисполкома от 7 января 1930 г. процесс создания национальных сельсоветов вступил в новую фазу. Несмотря на преобладание среди этнических сообществ Минусинского окр. украинцев, ни одного украинского национального сельсовета образовано не было. Однако в результате уточнения количества и мест компактного проживания этнических групп, а также перераспределения населения между различными сельсоветами, в 1930 г. было образовано 11 украинских национальных и 2 смешанных сельсовета, 3 белорусских национальных и 3 смешанных сельсовета [2, д. 280, л. 251 - 251 об.]. Аналогичные процессы территориального районирования осуществлялись и в других округах.

Особое внимание уделялось подбору секретарей национальных сельсоветов. Окружные исполкомы постоянно посылали сведения в Сибирский крайисполком, сообщая о национальном активе по районам и его соответствии этническому составу населения. Председатели и члены национальных сельсоветов, как правило, владели двумя языками – родным и русским. Общие собрания в белорусских, польских и украинских деревнях обычно проходили на русском языке, хотя внутрисемейное и внутриэтническое общение осуществлялось на родном. Делопроизводство также велось на русском языке [Там же, д. 281, л. 106-107, 251 - 251 об.].

В планах на 1930-1931 гг. было введение «всеобщего обязательного обучения в нацменселениях», разработка мероприятий по переводу на родной язык национальных школ белорусов, украинцев, полная ликвидация неграмотности, развертывание сети детских площадок [8, д. 3967, л. 42].

В феврале 1930 г. Сибирский крайисполком главным направлением работы среди национальных меньшинств объявил «социалистическое переустройство сельского хозяйства на основе массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса», а также проведение довыборов в «нацменсельсоветы», благодаря которым было рекомендовано освободиться от «чуждых» элементов и «максимально вовлечь в их состав батрачество, бедноту, колхозников и лучших середняков» [2, д. 280, л. 151]. По состоянию на апрель 1930 г. в Абаканском районе Минусинского окр. было охвачено производственным кооперированием в виде сельхозартелей 47,7% сельсоветов с компактно проживавшими среди русского населения белорусами, украинцами, поляками и пр. [Там же, л. 156].

Начиная с середины 1930-х гг., в условиях массовых политических репрессий, коснувшихся всех без исключения народов, советские и партийные органы при разработке конкретной политики в регионах практически перестали учитывать особенности этносоциального и культурного развития национальных меньшинств. Все украинские, белорусские, польские школы были закрыты, перестали действовать католические общины.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. отразили изменения этнического состава жителей Красноярского края. Доля русских увеличилась в населении региона по сравнению с переписью 1926 г. как в абсолютных цифрах с 1 182 109 до 1 688 193 чел., так и в доле населения с 76,2 до 86,1%. Численность остальных

славянских групп значительно уменьшилась: украинцев на 34 645 чел. (в доле населения на 3,0%), белорусов – на 94 168 чел. (на 6,3%), поляков – на 6 139 чел. (на 0,5%) (см. Табл. 1). Это объяснялось консолидационными процессами среди родственных этнических сообществ, а также снижением естественного прироста населения и сокращением семей. Так, средний размер домохозяйств русских Курагинского района уменьшился, по данным 1939 г., до 4,5; украинцев – 5,0; белорусов – 4,2 чел. [6, д. 11, л. 15-32].

В заключение следует отметить, что в период с конца XIX – первой трети XX в. славянское население в целом увеличилось в 3,6 раза вследствие естественного прироста, но главным образом за счет миграций. При этом за последние 20 лет русское население выросло в 1,4 раза, украинское – в 1,2 раза, белорусское сократилось в 1,5 раза, польское – в 1,4 раза. В местах компактного проживания украинцев, белорусов и поляков отмечался более низкий уровень ассимиляции, сохранялся язык и отдельные особенности культурно-бытовой среды. В условиях дисперсного расселения этнических славянских групп определяющей являлась тенденция к размыванию этнически значимых черт в традиционно-обрядовой и бытовой культуре, замене их соответствующими русскими элементами. Сферами хозяйственной деятельности славянского населения традиционно оставались сельское хозяйство и домашние промыслы.

Список литературы

1. Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 25. Оп. 1.
2. АГМ. Ф. 115. Оп. 1.
3. Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. П-1. Оп. 1.
4. АААКК. Ф. Р-1299. Оп. 1.
5. Архивный отдел администрации Курагинского района (АОАКР). Ф. Р-1. Оп. 1.
6. АОАКР. Ф. 9. Оп. 1.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Сибирский край. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. VI. Отд. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. 339 с.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-2. Оп. 1. Ч. 1.
9. ГАОНО. Ф. П-2. Оп. 2. Ч. 1.
10. ГАОНО. Ф. П-2. Оп. 2. Ч. 2.
11. Дамешек Л. М. Историко-типологические модели инкорпорации нерусских народов в состав Российской империи: сибирский вариант // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII-XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: СО РАН, 2005. С. 38-49.
12. Мальцева Е. В. Русская топонимия юга Красноярского края: история формирования // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 187-190.
13. Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1992 гг.: сб. док. Красноярск: ААККК, 2007. Ч. II. 383 с.
14. Население и общество [Электронный ресурс]. 2009. № 403-404; 2010. № 405-406. URL: <http://demoscope.ru> (дата обращения: 22.01.2010).
15. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произвед. 28 января 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. 268 с.
16. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2. Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 432 с.
17. Прядко И. А. Украинская диаспора в структуре населения Приенисейского края: исторический аспект: XIX-XX вв. // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 117-123.
18. Ремнев А. В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation (дата обращения: 09.09.2009).
19. Русина Н. В. Адаптация как способ формирования субэтнической культуры украинских переселенцев // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. С. 185-186.
20. Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск: Краевой исполнительный комитет; Стат. отдел, 1926. Вып. 15. Минусинский округ. 41 с.
21. Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: ОмГПУ, 2006. 376 с.
22. Яблоков Ю. Н. Красноярский край в системе этнодемографических связей в XX в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России в XVII-XX вв. / ред. А. М. Горюшкин. Новосибирск: СО РАН, 1996. С. 191-194.

ETHNO-SOCIAL AND ETHNO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT FEATURES OF SLAVIC POPULATION WITHIN THE SOUTH OF CENTRAL SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY

Natal'ya Anatol'evna Barantseva, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of General History
Khakass State University named after N. F. Katanov
Barantzeva@inbox.ru

The author describes the ethno-social and ethno-demographic processes among the Slavs – the Russians, the Ukrainians, the Byelorussians and the Polacks - who at the end of the XIXth – the middle of the XXth century were outside their main habitats, in the south of Central Siberia and pays special attention to the migrants' native places, the number of inhabitants, geographical settlement areas and their life and lifestyle social-cultural and economic characteristics revealing.

Key words and phrases: resettlement; ethnic groups; dispersed and compact settlement; ethno-demographic and ethno-social development.